

РЕАЛИЗАЦИЯ «СУХОГО ЗАКОНА» НА ТЕРРИТОРИИ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Д. А. Цуканов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 27 февраля 2019 г.

Аннотация: в статье рассматривается проблема реализации антиалкогольного законодательства на территории Воронежской губернии в 1914–1918 гг. Анализируется эффективность принятых правительством мер по борьбе с пьянством, выясняются обратные стороны введения «сухого закона».

Ключевые слова: антиалкогольное законодательство, Первая мировая война, Воронежская губерния.

Abstract: the article considers the problem of realization of anti-alcohol legislation in the territory of the Voronezh region in 1914–1918. Analyzes the effectiveness of government measures to combat alcoholism, it turns out the back of the introduction of «dry law».

Key words: anti-alcohol legislation, First World war, Voronezh region.

Пресловутое русское пьянство зачастую в публицистических материалах или художественных произведениях представлялось как одна из национальных черт народа. Любовь к выпивке и шумным кутежам считалась своеобразной реакцией народа на суровые природные условия России, тяжелый быт и беспроблемную рабочую рутину. Согласно преданию, князь Владимир отверг ислам в силу табуированности алкоголя. «Руси веселие есть пити, не можем без того быти» – эта фраза Владимира стала крылатой. Занимавшийся данной проблемой И. А. Шевченко сделал точный вывод: пьянство в деревне носило обрядовый характер и было связано с отмечанием престольных праздников и свадеб в осенне-зимний период, когда после уборки урожая крестьяне могли воспользоваться появившимися средствами [1, с. 274]. При этом чрезмерное употребление алкоголя сопровождалось целым рядом негативных явлений: рукоприкладством, бездельем, руганью, продажей домашнего имущества, не говоря уже о морально-нравственных страданиях, которые наносил пьяница своей семье. Учитывая государственный масштаб бедствия, руководители нашей страны не раз объявляли антиалкогольные кампании, пытаясь использовать административный ресурс для борьбы с национальной бедой. Но, как правило, запрет на производство и продажу крепких спиртных напитков оборачивался появлением теневого рынка самодельного алкоголя или, того хуже, – суррогатов. Притчей во языцех стали знаменитые «безалкогольные свадьбы» перестроечной эпохи, где каждый мог налить себе самодельный напиток из стоявшего на столе чайника.

Проблема борьбы с народным пьянством стояла у государства не всегда на первом месте. Забота о моральной устойчивости русского крестьянина очень часто вступала в диссонанс от осознания того, что винная монополия является очень доходной статьёй государственного бюджета. Экономика России не всегда была профицитной, поэтому лишать казну такого существенного подспорья, как налоговые поступления от продажи спиртного, власти не спешили. По плану доходная часть бюджета на 1914 г. предусматривала поступления в казну от продажи питей в размере 936 млн рублей. Однако после начала войны и введения ограничений по реализации алкоголя недоход доходной части составил более 674 млн рублей, из них порядка 432 млн относились к винной монополии [2, с. 103]. Покрыть дефицитный бюджет было предложено иностранными займами и включением печатного станка. Тем не менее проблема народного пьянства беспокоила властей. В условиях начавшейся войны отрезвление, в прямом смысле, населения стало одной из задач властей для мобилизации социальных ресурсов.

Предпосылками антиалкогольной кампании в период мировой войны были аналогичные мероприятия, проводившиеся в годы русско-японской войны. Кроме того, питейные заведения закрывали во время проведения крестных ходов и в дни крупных государственных праздников [3, с. 80]. Борьба с пьянством в общероссийском масштабе инициировалась прогрессивной общественностью. Меры, которые предлагали некоторые общественные деятели, например, М. Д. Челышев, носили фантастический характер. Автор законопроекта по борьбе с пьянством предлагал полностью уничтожить производство и продажу спиртного в стране, приравнять его к яду и отпускать только в аптеках [там же]. Не менее ради-

кальные меры предлагали и другие видные представители правых сил. Со страниц «Гражданина» В. П. Мещерский осуждал винную монополию, а барон К. В. Каульбарс представил председателю правительства В. Н. Коковцову доклад «К вопросу о пьянстве», где призывал уничтожить «пьянство и водку» [там же, с. 83]. Ответить положительным образом на такого рода проекты правительство, естественно, не могло. С отставкой Коковцова, казалось бы, все препятствия для проведения питейной реформы были устранены, однако с назначением министром финансов П. Л. Барка ситуация в этой сфере существенным образом не поменялась. Министр тормозил с решением «алкогольного вопроса», ссылаясь на то, что император не дал Барку детальных рекомендаций [2, с. 129]. Кроме того, министр прекрасно понимал, что с устранением такой доходной статьи бюджета правительству придется судорожно искать ей замену. И тем не менее давление на правительство, осуществляемое со стороны духовенства, земских деятелей, праволиберальной и консервативной прессы подготавливало почву для введения ограничительных мер относительно свободной торговли спиртными напитками. Точку в этом вопросе поставил император Николай II, который принял в Кремле представителей от крестьян и дал им слово, что запретит свободную продажу водки в стране [там же, с. 130].

Начало Первой мировой войны стало тем поводом, который перевел все разговоры о «сухом законе» в реальную плоскость. В Воронежской губернии обязательное постановление губернатора Г. Б. Петкевича, датированное 27 июля 1914 г., гласило: «Воспрещается повсеместно в губернии продажа спиртных напитков распивочно и на вынос с момента объявления мобилизации на весь срок ее до закрытия сборных пунктов» [4, с. 35, 37]. Дополнительные распоряжения воронежского градоначальника запрещали публичное распитие спиртных напитков и появление в нетрезвом виде в общественных местах. Запрет, однако, не распространялся на продажу вина в храмах и всех видов алкоголя в питейных заведениях высшего разряда [5, с. 71]. Не в последнюю очередь антиалкогольная кампания объявлялась в целях успешного проведения мобилизации. Запрет на продажу крепких спиртных напитков, по мнению представителей земств Воронежской губернии, благоприятно сказался на проведении мобилизации, так как имевшие место случаи безобразного поведения новобранцев практически прекратились. «Запасные и ратники явились в места призыва спокойно, с полным осознанием переживаемого момента; не было видно нетрезвых групп, горлающих песни; призываемые, насколько возможно, заканчивали спокойно свои семейные дела и являлись к месту службы, родственники их не устраивали прощальных попок,

а снабжали уходящих всем необходимым, отдавая свой досуг на помощь семьям ушедших на войну» [6, д. 2243, л. 1–1 об.].

На первых порах введение антиалкогольных запретов воспринималось как надобность на период мобилизации. Но уже 27 сентября 1914 г. император утвердил правительственное положение, позволявшее земским собраниям и городским думах подавать ходатайства о запрещении продажи спиртных напитков в пределах подведомственной им территории и после окончания войны. Особенно активно на высочайшее предложение откликнулись земские деятели Новохоперского и Воронежского уездов, которые были, пожалуй, самими яркими сторонниками принудительной трезвости в губернии. Земские собрания обоих уездов ходатайствовали о полном прекращении продажи спиртного по всей империи. Земские гласные и члены управы Коротоякского уезда не были так категоричны. Они согласились с доводами правительства и постановили прекратить «продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в империи впредь до окончания военного времени» [там же, л. 5]. Начавшаяся война даже как-то удачно поспособствовала земским чаяниям в вопросе отрезвления населения. Как видно из архивных свидетельств, идиллические настроения овладели земцами настолько, что общественность закрывала глаза на побочные эффекты антиалкогольной кампании. Помимо протестных акций, устраиваемых призывниками, «сухой закон» породил теневой рынок алкогольной продукции. И если в селах получило распространение самогоноварение, то в городе особым спросом пользовался одеколон «экономический», потребление которого выросло в десятки раз. В 1915 г. представитель консервативных сил в Государственной Думе IV созыва А. П. Вишневецкий вынужден был открыто признать, что пьяные в России есть и, по всей видимости, будут, поскольку торговля денатуратом, «одурманивающими квасами» и одеколоном идет бойко. Аптека же, по его словам, и вовсе превратилась в кабак, «где покупают к свадьбам и ко всем пиршествам всевозможные капли, всевозможные настойки, но вовсе не в миниатюрных флакончиках» [7]. Масштабы потребления суррогата стали такими огромными, что губернские власти пошли на новое ограничение. 27 мая 1915 г. Г. Б. Петкевич постановил отпускать одеколон в аптеках только по билетам, которые выдавали полицейские благонадежным лицам. Благонадежными считались те, относительно кого не возникало сомнений, что они будут использовать одеколон по его прямому назначению [8, с. 90].

Земцы рисовали весьма благостную картину от результатов введения «сухого закона» с началом войны. «И народная молва и печать со своей стороны

отметили всю благодетельность распоряжения о прекращении виноторговли: преступность понизилась, отцы семейств с занятий и работ возвращались к женам и детям, вообще к семье и несли целиком свой заработок. Возвращались они домой не с хмелем в голове, не с затуманенным алкоголем мозгом, а с лаской и приветом к близким своим родным. Те заработки, которые прежде шли на пьянство, в рестораны и пивные, стали употребляться на действительные надобности: бедные семьи стали лучше питаться, стали иметь возможность приобретать то, что раньше считалось чуть не роскошью. Не без связи, конечно, с войной усилились требования на книги, газеты и журналы» [6, д. 2243, л. 1 об.]. Из доклада земцев следует, что одного административного запрета оказалось достаточно, чтобы проблемы, связанные с неумеренным потреблением алкоголя, исчезли раз и навсегда. Поддержав ограничение продаж спиртного, земские деятели не особо интересовались вопросами поддержания общественного порядка, в случае если мобилизуемые проявят недовольство фактом отсутствия алкоголя. В Томской, Пермской, Рязанской губерниях возмущение «сухим законом» фактически переросло в бунт против антиалкогольной кампании властей [2, с. 131]. В Воронежской губернии также случился аналогичный прецедент, когда новобранцы принудили станowego пристава открыть трактир и отпустить им определенное количество водки. Наказание за ослушание царского указа и губернаторского распоряжения последовало не слишком суровое: учитывая недавнее назначение пристава, было приказано арестовать его на семь суток [8, с. 89].

Как видно из исторических источников, воронежские земские деятели отмечали высокую результативность ограничительных мер по отношению к продаже алкоголя. Тем острее была их реакция на промелькнувшие в прессе слухи о возможном смягчении запрета. Частичное разрешение продажи спиртного объяснялось двумя обстоятельствами. Первое: от запрета пострадали прежде всего те, кто жил за счет производства и продажи спиртного. Второе обстоятельство заключалось в необходимости пополнения госбюджета. Земцы справедливо полагали, что «разрешать виноторговлю и тем вновь вносить разорение в сотни – тысячи семей ради доставления заработка небольшому сравнительно числу лиц, служащих по монополии и винокурению, нерационально» [6, д. 2177, л. 1 об.]. Члены Воронежской уездной управы призывали «изыскать другие меры и средства к пополнению государственного казначейства» [там же, л. 2]. «Государственный бюджет может быть пополняемым новой, разумно разработанной системой прямых и косвенных налогов, – заявляли земцы, – и эти налоги трезвое население легче может снести, нежели

бесполезная трата на водку, приносящую еще вред здоровью и значительно понижающую трудоспособность, а через то и заработок» [там же].

В обращении к губернатору земцы перечисляют «неисчислимыя народные бедствия» [там же], которые возникают по причине пьянства: распространение болезней, криминализация, рост смертности, ослабление работоспособности. С пьянством земцы напрямую связывали ослабление бюджета, значительные средства из которого шли на борьбу с побочными проявлениями пьянства: преступность и заболеваемость. «Считая, однако, что меры борьбы с пьянством, этим народным злом, имеющим притом тысячелетнюю давность, должны быть самые радикальные, уездное земство полагает, что самой основной мерой, разрубающей зло навсегда, может быть лишь совершенное прекращение продажи водки и других спиртных напитков» [там же], о чем Воронежское уездное земство и ходатайствовало. Земские гласные и члены управ видели выход в расширении числа таких профилактических мероприятий, как противоалкогольные чтения, организация кружков трезвости, пропаганда отказа от употребления алкоголя.

Губернские власти строго следили за соблюдением антиалкогольного законодательства. Нарушителей ждало наказание в виде штрафа в три тысячи рублей либо трехмесячного ареста. Суровость административной ответственности объяснялась не в последнюю очередь необходимостью демонстрации намерений властей по решительной борьбе с пьянством [8, с. 89]. На первых порах под запретом находился крепкий алкоголь, а виноградное вино разрешалось продавать строго с 9 утра до 6 вечера. Уездный исправник провинциального Коротояка уличил владельца торгового дома А. Ф. Петрова в нарушении установленного порядка, поскольку его служащие отпустили бутылку вина в 8.30 утра. В прошении на имя губернатора купец просил градоначальника не применять к нему мер административного взыскания, поскольку то, что исправник принял за правонарушение, оказалось банальным недоразумением [9, д. 2054, л. 2]. Всею виной стали неисправные часы соборной Покровской церкви, по которым ориентировались во времени продавцы, отпускаая алкоголь. Данный факт подтвердили два клирика Покровского собора, с которых А. Ф. Петров даже взял удостоверительные записки. Дотошный полицейский даже установил дежурство на площади, чтобы убедиться в правдивости слов Петрова. Это обстоятельство очень задело самолюбие купца, который в письме губернатору по этому поводу писал: «Я не из тех людей, которые правдами и неправдами стараются уйти от законной преследовательности, я не стану крутить стрелок церковных часов и не пойду на подлость» [там же, л. 10]. В конце концов, исправник убедился в отсутствии недобро-

совестных намерений у А. Ф. Петрова и в рапорте губернатору от 4 мая 1915 г. доложил: «Допуская возможность, что в день составления протокола церковные часы действительно могли отставать на полчаса от почтовых часов и, принимая во внимание, что торговый дом Петрова никогда в нарушениях подобного рода не замечался, я полагал бы Петрова наказанию по обязательному постановлению не подвергать» [там же, л. 7]. М. Д. Карпачев указывает на неслучайность рвения городского, так как скольконибудь заметное нарушение нового порядка могло быстро подорвать и без того довольно шаткий авторитет власти [8, с. 89]. Впрочем, трудно не согласиться с исследователем, зная, на какие ухищрения шли торговцы, стараясь обойти запрет.

Результаты принудительной трезвости в стране по-разному оценивались исследователями. М. Д. Карпачев и Е. В. Пашков считают, что промежуточные итоги введения «сухого закона» были поразительными. Во-первых, улучшилось материальное благосостояние населения: те деньги, которые раньше пропивались, теперь тратились на бытовые нужды семьи; в несколько раз выросли вклады населения в сберкассах [3, с. 91]. По официальным данным, за последний предвоенный год крестьяне всей России положили в сберкассы 6,5 млн рублей, а за первый год действия водочного запрета – 261,7 млн [8, с. 92]. Во-вторых, сократилось количество совершаемых на почве пьянства преступлений. В столицу поступали сведения о снижении преступности, порожденной алкогольной зависимостью. По сообщению из сельской местности Воронежской губернии «таких преступлений, как изнасилование, растление и т. п., совершение которых происходит под возбуждением алкоголя, теперь совсем нет» [3, с. 91]. В-третьих, принудительная трезвость способствовала развитию культурно-просветительских потребностей населения; земские деятели отмечали появившийся интерес крестьян к обучению своих детей, появилась потребность в книгах и даже музыкальных инструментах [там же]. В целом, успехи антиалкогольной кампании как в целом по стране, так и в Воронежской губернии нельзя недооценивать. Однако отмечая положительные стороны введения антиалкогольных запретов, не стоит умалчивать об обратной стороне медали. Потребление денатурированного спирта, одеколона, политуры и других суррогатов стало повсеместным явлением в стране. Некоторые земства даже провели опрос среди населения, который имел целью выявить отношение к антиалкогольным мерам правительства. Большинство крестьян и городских жителей дали положительную оценку «сухому закону», но при этом отметили, что конечного результата власти не добились, так как «сильно распространяется потребление денатурата, одеколона, политуры, браги и самогона»

[5, с. 71]. Тайное винокурение превратилось, по сути дела, в промысел. Самогонование должно было заменить исчезнувшие из продажи крепкие спиртные напитки. Если в последний предвоенный год по всей империи насчитывалось 600 случаев незаконного производства крепкого алкоголя, в 1915 г. – 6000, то в 1917 г. фактов незаконного винокурения насчитывалось более чем 9000 [3, с. 90]. Но при всех видимых издержках факт беспрецедентного по масштабам сокращения народного пьянства в России вообще и на территории Воронежской губернии в частности отрицать невозможно [8, с. 94]. Тем не менее с падением монархического режима в России антиалкогольные меры прежнего правительства не были отменены. В условиях разгула революции участились случаи преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, участились погромы винных погребов. Распоряжением от 9 марта 1917 г. Временное правительство продлило уже существовавшие запреты на распространение алкоголя, но существенного воздействия на ситуацию в стране эта мера не оказала. Тем не менее даже с приходом советской власти ограничения по производству и свободной продаже алкоголя сняты не были. Как отмечает А. Н. Маюров, в ноябре 1917 г. было сломано все: государственная машина, государственный аппарат, государственный строй, уничтожены судебные и прокурорские органы, полиция, а трезвость была сохранена как преемница нормальных человеческих отношений и традиций, и продолжилось формирование у населения культуры трезвости [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Шевченко И. А. Великорусское крестьянство в борьбе за трезвость на рубеже XIX–XX веков / И. А. Шевченко // Вестник Красноярск. гос. пед. ун-та имени В. П. Астафьева. – 2014. – № 2.
2. Аксенов В. Б. «Сухой закон» 1914 года : от придворной интриги до революции / В. Б. Аксенов // Российская история. – 2011. – № 4.
3. Пашков Е. В. Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны / Е. В. Пашков // Вопросы истории. – 2010. – № 10.
4. Памятная книжка Воронежской губернии на 1915 год. – Воронеж, 1915. – Отд. 1.
5. Николаев А. В. Антиалкогольные кампании XX века в России / А. В. Николаев // Вопросы истории. – 2008. – № 11.
6. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). – Ф. И-21. – Оп. 1.
7. Иванов А. А. Спас ли «сухой закон» Россию от пьянства? / А. А. Иванов // Русская народная линия (информационно-аналитическая служба). – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2012/12/10/spas_li_suhoj_zakon_rossiyu_ot_pyanstva

8. Карпачев М. Д. Движение за народную трезвость в Воронежской губернии в начале XX века / М. Д. Карпачев // Вопросы истории. – 2010. – № 9.

9. ГАВО. – Ф. И-6. – Оп. 1.

*Воронежский государственный университет
Цуканов Д. А., аспирант кафедры истории России
E-mail: dan-cukanov@yandex.ru*

10. Маюров А. Н. Сухой закон в Российской империи – РСФСР (1914–1920 гг.) / А. Н. Маюров // Экономические стратегии. – Режим доступа: <http://www.inesnet.ru/2014/06/suxoj-zakon-v-rossijskoj-imperii-rsfsr-1914-1920-gg/>

*Voronezh State University
Tsukanov D. A., Post-graduate Student of the History of
Russia Studies Department
E-mail: dan-cukanov@yandex.ru*